

«Положительно прекрасный» герой в эпоху экзистенциального кризиса (на примере романов Ф. Достоевского, В. Короткевича, Ч. Айтматова)

Крикливец Е. В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова», Витебск*

Вопрос о нравственном идеале поднимался в литературе в период духовного кризиса общества. Создание романов Ф. Достоевского «Идиот», В. Короткевича «Христос прызямліўся ў Гародні», Ч. Айтматова «Плаха» свидетельствовало о смене коммуникативной стратегии, о переходе от социально (идеологически) обусловленного письма к постановке важнейших экзистенциальных проблем. В статье отражена историко-культурная ситуация второй половины XIX и XX веков. Исследование имеет научную перспективу, так как открывает новые возможности для сравнительно-типологического изучения национальных литератур.

Ключевые слова: *сравнительное литературоведение, экзистенциальная проблематика, коммуникативная стратегия.*

«Positively Beautiful» Hero in the Era of Existential Crisis (Based on the Novels of F. Dostoevsky, V. Korotkevich, Ch. Aitmatov)

Kriklivets E.V.

Educational establishment «Vitebsk State University after named P. M. Masherov», Vitebsk

The issue of the moral ideal was raised in literature in the period of the moral crisis of the society. Creation of novels of F. Dostoevsky «The Idiot», V. Korotkevich «Christ Landed in Grodno», Ch. Aitmatov «Scaffold» testified of the change in communication strategy, of the transition from socially (ideologically) predicted writing to shaping most important existential problems. The article reflects the historical and cultural situation of the late XIXth and XXth centuries. The research has a scientific perspective, since it opens up new opportunities for comparative study of national literatures.

Key words: *comparative literature studies, existential issues, communication strategy*

Творчество Ф. Достоевского, В. Короткевича, Ч. Айтматова относится к разным культурно-историческим периодам, имеет специфическую социальную и национально-ментальную принадлежность. Однако нам представляется возможным расширить границы сравнительно-типологического подхода к изучению литератур и исследовать произведения названных авторов в сопоставительном аспекте. Объектом изучения послужили романы «Идиот», «Христос прызямліўся ў Гародні», «Плаха».

Цель исследования – раскрыть особенности постановки и решения экзистенциальных вопросов, характерных для ключевых этапов развития гуманитарного сознания, в романах Ф. Достоевского, В. Короткевича, Ч. Айтматова.

Экзистенциальная проблематика в литературе. Размышления о бытии, о Боге, о смысле

существования являются важнейшей составляющей духовного становления и формирования личности. Поиском ответов на вечные вопросы занимаются богословие, философия, литература. В русской и белорусской литературах экзистенциальное направление начинает складываться в XIX веке, когда влияние церкви на общественное сознание ослабевает и гуманитарная мысль встает перед выбором «как человеку лучше жить: с Богом или без Бога?» [1, с. 89].

С точки зрения исследователей, оппозиция веры-безверия на протяжении двух последних столетий осмысливалась по-разному. Философия и литература второй половины XIX века искали доказательства права человека на разрыв с Богом, на отказ от абсолютных ценностей и нравственных ориентиров. В XX веке советская идеология последовательно и насильственно искореняла из сферы культуры и литературы все, что было связано с религией и напоминало о Боге [1; 2]. И лишь в последней трети XX столетия происходит восстановление в правах традиционных ценностей и теоцентрической картины мира.

Не случайно, фабульная канва многих художественных произведений, созданных в период «экзистенциально кризиса», в той или иной степени соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. В статье «Об экзистенциальном пространстве русской литературы» В. Бачинин утверждает, что «блудный сын – это универсальный экзистенциальный тип духовного скитальца, потерявшего не только Бога, но и самого себя вначале утратившего, а затем вновь обретшего собственную идентичность» [1, с. 95]. Очевидно, что движение гуманитарной мысли в XIX–XX веках коррелирует с логикой сюжета об отречении от отца (Бога) и последующем раскаянии, жажде спасения и решении вернуться.

Примечательно, что именно литература начинает выполнять прогностическую функцию: писатели декларируют необходимость возвращения, предлагают его пути, предупреждают об экзистенциальной катастрофе в том случае, если возвращения блудного сына не случится. В белорусской литературе евангельская притча приобретает еще одно определяющее значение – обретения не только личной, но и национальной идентичности.

«Положительно прекрасный человек» в романе Ф. Достоевского. Роман Ф. Достоевского «Идиот» создавался на фоне стремительной секуляризации общества и увлечения нищезанятием. Писатель задумал создать образ «положительно прекрасного» человека, но сложность этого замысла состояла в том, что, по свидетельству Достоевского, «идеал ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался» [3]. Князь Мышкин призван был соединить в себе лучшие нравственные устремления человечества, воплотить мечту о всемирной гармонии. При этом образ главного героя романа не мыслился как социальная утопия, а должен был обладать цельностью и жизненной достоверностью.

В советском литературоведении отмечался тот факт, что, создавая образ человека «вполне прекрасного», Ф. Достоевский анализировал опыт предыдущих попыток воплощения в литературе идеала человеческой личности, в частности, в тексте романа «Идиот» исследователи усматривали полемику с романом Н. Чернышевского «Что делать?».

Очевидно, что эпоха 1860-х годов диктовала писателям с разными социальными и эстетическими установками поиск ответа на ключевой вопрос времени. Однако любопытно взглянуть на это явление с иного ракурса. Роман Н. Чернышевского «Что делать?» создан в традициях утопии и изображает пути социального переустройства общества. «Новые люди» Чернышевского являют совокупность социальных, психологических и идеологических черт представителей новой исторической силы, способной взять в свои руки дальнейшее развитие государства. Не случайно роман Н. Чернышевского сыграл большую роль не только в литературе своего времени, но и в истории общественно-политической борьбы. Заметим, что менее чем через сорок лет В. И. Ленин дал одноименное название своему произведению, посвященному основам новой идеологии. Таким образом, Н. Чернышевский предвосхитил массовые в литературе соцреализма попытки создать новый тип советского «сверхчеловека». Кроме того, автор романа «Что делать?» использовал коммуникативную стратегию идеологически ангажированного письма, также характерную в будущем для эстетики соцреализма.

Коммуникативная стратегия Ф. Достоевского принципиально иная. Писателя беспокоит, в первую очередь, нравственное обновление человечества, залог которого он видит в каждой отдельной личности. В. Бачинин утверждает, что Ф. Достоевский сформулировал «основные пункты концепции духовного скитальчества, которую можно считать философской сердцевиной русского литературно-художественного экзистенциализма» [1, с. 92]. Общество, утратившее веру в Бога, лишается

нравственных ориентиров и обрекает себя на духовную деградацию.

Поднимая вопрос о необходимости нравственного идеала в современном ему обществе, Ф. Достоевский помещает Льва Николаевича Мышкина в бездушную среду аристократического Петербурга. Князь утрачивает состояние благодати и безмятежности, столкнувшись с порочным миром. Как верно заметила Л. М. Лотман, «чем более сгущается мрак жизни вокруг “князя-Христа”», как именует Достоевский своего героя в черновых текстах к роману, тем ярче разгорается в нем факел жертвенной любви к людям, освещаая трагедию жизни, торжество эгоизма, себялюбия, равнодушия, хищничества» [4, с. 306]. При этом моральный кризис общества, отраженный в романе, не девальвирует значение идеала, созданного Ф. Достоевским. Князь Мышкин – это вершина, которая должна стать итогом духовного развития человека.

Нравственный императив в национальных литературах последней трети XX века. Роман В. Короткевича «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» датирован 1966 годом. 1960-е годы – период очередного «поворота» в развитии экзистенциального сознания. Общество, пережившее эпоху «воинствующего атеизма», испытывает острый дефицит нравственных ориентиров и жизненных смыслов. Закономерно, что В. Короткевич, обращаясь к евангельским темам, по-новому осмысливает суть образов, «приспосабливая» их к изменениям в исторической ситуации. В связи с этим «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» называют в белорусском литературоведении «романом-притчей, романом-легендой» [5, с. 376].

Писатель создает свою версию Евангелия, определяя жанровую форму произведения как «Евангелие от Иуды». Можно предположить, что в романе показано пришествие лжеисуса. Евангелие от Матфея в определенном смысле предусматривает возможность будущих пришествий: «Ибо многие придут под именем моим, и будут говорить “я Христос”, и многих искусят» [6, с. 124]. Однако «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» представляет собой синтез иронии и притчи. Смысловая нагрузка образов позволяет говорить о том, что Юрася Братчика вряд ли можно считать лжеисусом в евангельском значении. Динамика образа главного героя свидетельствует о переосмыслении версии второго пришествия, тем более что роман изобилует атрибутикой Священного писания, творчески интерпретированной в связи с особенностями идейно-художественной концепции произведения.

Братчик исключен из коллегіума «за памяркоўнасць, спагаду і... сумненне ў веры» [7, с. 88]. Герою еще только предстоит понять и исполнить свое предназначение, он идет по свету «Без надзеі, але каб ведаць усё і жыць, як усе. Ні мне, ні ім і ні вам анічога не дапаможа. Шчасце не з’явіцца перадчасна. Але застаецца цікаўнасць, дзеля якой мы... ну, як бы гэта вам сказаць... з’яўляемся ў гэты свет, калі... наш Бог вядзе нас у яго» [7, с. 88].

В первых главах романа «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» человеколюбие и готовность к самопожертвованию Юрася Братчика вызывают сомнение. Этому есть причина. Пыточные камеры, костры инквизиции не способствуют зарождению веры в человека: «Тут працавалі таксама чалавечая фантазія і ўменне, працаваў чалавечы мозг – і ад усяго гэтага можна было хутка і назаўсёды пазбавіцца веры ў чалавека і ў ягоную будучыню, у ягонае прызначэнне і ў тое, што з гэтай жывёлы калі-небудзь што-небудзь атрымаецца» [7, с. 129]. Приносит себя в жертву людям, утратившим представление о человеческой природе, Братчик определенно не готов: «І воласам няварта было ахвяраваць дзеля ўсяго гэтага быдла, на ўсёй гэтай паршывай зямлі. Хай бы сабе выдахлі» [7, с. 130]. Юрася делает резкие и неутешительные выводы, которым, правда, суждено подвергнуться изрядной трансформации.

Людям, голодным и бесправным, униженным и церковными, и светскими властями, оставалось уповать только на чудо. «Своего» Бога они увидели в Христе-Братчике. Людям нужна была точка опоры, и она у них появилась: «Павінен быў ты прыйсці. Бог... Чорт... Чалавек... Усё адно. Але не паверым мы, што ты не Бог. Не таму, што дзівы твае бачылі. Таму, што бязвер’е нам зараз – смерць» [7, с. 350]. Именно вера людей (и, прежде всего, вера в человека) заставляет Братчика стать тем, кем его хочет видеть народ. Можно сказать, что происходит обоюдный процесс развития: плут и бродяга Братчик становится Человеком, толпа – народом. Народ, обретший веру, встал на защиту своей земли от татарского нашествия, смог противостоять церковной верхушке и торговцам, наконец, спас от гибели своего Христа. Во имя своего народа и его веры Братчик готов отдать жизнь: «Вецер варушыў валасы Хрыста. Ён глядзеў, ён бачыў абліччы. Тысячы абліччаў. Бачыў жывых і забітых. І гэта было тое, неўміручае, імя чаму – Народ» [7, с. 482].

Духовная эволюция Юрася Братчика приводит героя к пониманию того, что не существует большей ценности, чем родная земля, малая родина. Показательно, что не в Гефсиманском саду

обращается мужицкий Христос к Богу, а на берегу Немана припадает он к родной земле: «Зямля неадольна клікала яго да сябе. Вочы ягоныя сачылі за зоркай, а калені згіналіся, і ўрэшце ён стаў на іх, схіліўся да зямлі. “Ты прабач, – у думках папрасіў ён. – Ты, неба. Я здрадзіў дзеля гэтага. Я – тутэйшы. Я – беларус. Няма дзеля мяне даражэйшай зямлі, і тут я памру... Не хачу ўцякаць ад працы, ад крывавага поту, ад зямной чашы маёй. Гінуць таксама не хачу. У мяне ёсць сябры, і каханне, і народ мой, і сотні іншых народаў, і ты. Хай памінае мяне чаша сія, але, зрэшты, як хочаш. Бо калі ты вызначыш мне загінуць, зямля мая, я не буду наракаць”» [7, с. 410]. Ощущение неразрывной связи со своей землей и народом – залог национального и духовного возрождения.

Мужицкий Христос Братчик воплощает идеалы социальной справедливости, национального возрождения, веры в будущее человечества, так необходимые белорусскому обществу в XVI веке и не утратившие актуальности в наши дни. В результате своего духовного пути Юрась Братчик обретает знание и надежду: «Нараджаецца на гэтай цвердзі новая парода людзей. З веданнем і чысцінёй думак» [7, с. 451].

Роман «Хрыстос прызямліўся ў Гародні» завершается эпизодом, носящим откровенно притчевый характер: Христос, спасенный своим народом, засеивает пашню как основу новой жизни: «Неапазімыя купіны дрэў стаялі на ўзгорках. Сумавала вакол капліцы шыпшына. А сейбіты падымаліся на вяршыню круглага пагорка, як на вяршыню зямнога шара. І першым ішоў насустрач нізкаму сонцу Хрыстос, мерна размахваючы рукамі. І, гатовае да новага жыцця, падала зерне ў цёплую, мяккую зямлю. Выйшаў сейбіт сеяць на нівы свая» [7, с. 490]. Картина созидательного труда, пашни, подготовленной к посеву и символизирующей обновление – гимн человеку, любящему родную землю, надежда на то, что когда-нибудь «пачнуць кананізаваць не ў святыя, а ў Людзі» [7, с. 3] и человек будет достоин своего имени.

Коммуникативную стратегию романа В. Короткевича можно определить, вероятно, как национально ориентированное письмо. Образ Юрася Братчика уже не представляет собой совокупность утопических идеалов, а намечает путь духовного развития личности. Это развитие, по мнению белорусского писателя, неразрывно сопряжено с поиском национальной идентичности, осознанием себя частью своей земли, своего народа и его истории.

В последней трети XX века становится очевидно, что ни государственная идеология, ни даже научное знание не предлагают оптимальных путей выхода из экзистенциального кризиса. Произведения 1980-х годов характеризуются глубиной нравственной проблематики, постановкой важнейших экзистенциальных вопросов. Утрата человеком духовности осмысливается как результат морального отступничества, разрыва связей со своим прошлым, с традициями предков. Ч. Айтматов так же, как и В. Короткевич, соотносит логику своего романа с библейским сюжетом. Притчевый характер «Плахи» не вызывает сомнений, более того, в композиционную ткань повествования вплетена легенда о Христе.

Бывший семинарист Авдий Каллистратов чувствует личную ответственность за любое зло, любое преступление, творимое на земле. Он ищет «современную форму Бога», дабы указать людям путь к спасению через покаяние. Авдий стремится познать всю глубину духовного падения людей и обратить их в свою веру, в результате чего оказывается в рядах добытчиков анаши. Однако слова Авдия не находят отклика, он чужд даже подростку Ленке, уже вполне развращенному деньгами и кайфом. Весь свой земной путь Авдий проходит один, его учение не имеет последователей: власть, деньги и наркотики – вот ориентиры нового времени.

Авдий, чудом оставшийся в живых после драки с анашистами, задается вопросом: «К чему мы пришли, что у нас есть взамен той милосердной, жертвенной, давно отброшенной на обочину, злорадно высмеянной реалистическими мировоззрениями идеи? Что у нас есть подобное, вернее, превосходящее? Ведь новое несомненно должно быть лучше старого» [8, с. 184]. Ответ на этот вопрос страшен: «На подходе новая могучая религия – религия превосходящей военной силы» [8, с. 184].

Идея самопожертвования во имя людей осмысливается Ч. Айтматовым в контексте своего времени. Объясняя семинаристу значение гибели Христа, Городецкий в романе «Плаха» утверждает, что «если бы Христос не был распят, он не был бы Господом. Эта уникальная личность, одержимая идеей всеобщего царства справедливости, вначале была зверски убита людьми, а затем вознесена, воспета, оплакана, выстрадана, наконец. Здесь сочетается поклонение и самообвинение, раскаяние и надежда, кара и милость – и человеколюбие» [8, с. 80]. Однако в новое время гибель человека, одержимого гуманистическими идеями, уже никого не приводит к осознанию собственной

греховности, покаянию, очищению и духовному возрождению.

Человеколюбие Авдия безгранично: будучи «распятым» на саксауле, он продолжает взывать к Творцу о «спасении душ людских», о «прозрении людскому роду» [8, с. 232]. Однако герой должен признать, что поражение гонцов за анашой есть его поражение, поскольку привести этих людей к раскаянию ему не удалось. Авдий выносит приговор не только своей идее, но и гуманистическим идеалам человечества.

Авдий погибает так же, как и «чудак один галилейский» [8, с. 148], не пожелавший «ради своего спасения сказать в свою пользу двух слов» [8, с. 148]. Однако эта жертва оказывается бессмысленной, ибо не вызывает раскаяния.

В своей последней молитве герой обращается к тому, что выступает безусловным воплощением нравственного закона, его носителем. Акбара, принявшая также, как и Авдий, страдания от рук человеческих, являет собой нравственный императив, хранимый природой, но уже не доступный миру людей: «Он уже не слышал ничего, в глазах у него помутилось, и ему почему-то привиделась серая волчица. Та самая, которая тем жарким летом перепрыгнула через него в конопляной степи... "Спаси меня, волчица", – вдруг вырвалось у Авдия» [8, с. 228]. Вероятно, по мысли Айтматова, спасти человечество от морального разложения может только возвращение к утраченной гармонии, которую олицетворяет собой природа. Бесцеремонное потребительское отношение к природе разрушает гармонию, а следовательно, человек сам отвергает путь к спасению.

Роман Ч. Айтматова, как и роман Ф. Достоевского, создавался в тот период развития общества, когда приближающаяся духовная катастрофа, обусловленная безверием, становилась особенно очевидной. И если, несмотря на трагическую развязку, образ князя Мышкина осмысливался и писателем, и читателем, как безусловный нравственный императив, к которому необходимо стремиться, то ценности социума времен создания «Плахи» исключают саму возможность следования нравственным идеалам.

Заключение. Образы «положительно прекрасных» людей появлялись в литературе в период духовной деградации общества. Такие герои отражали поиск писателями нравственных идеалов и путей выхода из кризиса. Создание романов «Идиот», «Хрыстос прыжамліўся ў Гародні», «Плаха» свидетельствовало о смене коммуникативной стратегии, о переходе от социально (идеологически) обусловленного письма к постановке важнейших экзистенциальных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин, В. А. Об экзистенциальном пространстве русской литературы / В. А. Бачинин // Свободная Мысль. – 2012. – № 9–10. – С. 89–102.
2. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий / В. В. Заманская. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 304 с.
3. Достоевский, Ф. М. Письма / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1930. – Т. 2. – С. 71.
4. Лотман, Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие) / Л. М. Лотман. – Ленинград: Наука, 1974. – 480 с.
5. Верабей, А. Л. Уладзімір Караткевіч / А. Л. Верабей // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. У. В. Гніламёдаў, С. С. Лаўшук. – Мінск: Беларус. навука, 1999–2002. – Т. 4. Кн. 1. 1966–1985. – С. 361–390.
6. Лявонава, Е. А. Алюзія на вобраз Хрыста ў рамане У. Караткевіча «Хрыстос прыжамліўся ў Гародні» і сусветная літаратурная традыцыя / Е. А. Лявонава // Беларуская мова і літаратура. – 2001. – № 4. – С. 121–127.
7. Караткевіч, У. С. Хрыстос прыжамліўся ў Гародні: раман / У. С. Караткевіч. – Мінск: Беллітфонд, 2000. – 491 с.
8. Айтматов, Ч. Плаха: роман / Ч. Айтматов. – М.: АСТ, 2010. – 352 с.

Поступила в редакцию 12.06.2015 г.